

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.112.2.0

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-191-205

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ Ф. Г. КЛОПШТОКА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

В. Г. Сибирцева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

Социокультурный феномен, получивший в отечественном литературоведении название «литературная репутация», складывается из совокупности художественной ценности произведений автора и его популярности у современников, а также значимости для потомков. Русская литература рубежа XVIII–XIX веков находилась под большим культурным влиянием французской и, в меньшей степени, английской и немецкой литературы. И если имена французских литераторов широко известны, а их творчество исследуется по сей день, то многие немецкие авторы, такие как Готшед, Клопшток, Лессинг, остались для русского читателя только в энциклопедиях и хрестоматиях по литературе. Настоящая статья посвящена описанию первого этапа формирования литературной репутации немецкого поэта Фридриха Готлиба Клопштока, который известен в России более двух с половиной веков. Имя Клопштока появилось в русской печати в конце XVIII века, когда русские читатели познакомились с его стихотворной эпопеей «Мессиада». Изъятие первых переводов религиозной эпопеи Клопштока из продажи и несовершенство русского поэтического переводческого искусства не способствовали широкому чтению и обсуждению произведений немецкого поэта в России. Несмотря на высокую оценку творчества Клопштока в журналах Н. М. Карамзина и обязательное изучение произведений Клопштока в учебных заведениях, он был практически забыт к концу XIX века. Имя Клопштока стало фигурировать в художественной литературе в комическом контексте, как признак показной образованности или повод прервать затянувшийся малоинтересный разговор. Упоминание поэта в мемуарах нередко сопровождалось замечанием о невозможной скуке, которую вызывает чтение его произведений. В то же время доступность текстов Клопштока на русском языке была ограничена действительно трудной для восприятия эпопеей и несколькими одами, переводы которых были далеки от совершенства. Диссонанс в рецепции Клопштока в России состоял в затверженной со школьной скамьи мысли о значительности автора при практически полном незнании его произведений.

Ключевые слова: Клопшток; Карамзин; литературная репутация; «Вестник Европы»; «Мессиада».

Цитирование: Сибирцева В. Г. Формирование литературной репутации Ф. Г. Клопштока в России на рубеже XVIII–XIX веков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 191–205. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-191-205.

Formation of F. G. Klopstock's Literary Reputation in Russia at the Turn of the 18th –19th Centuries

Vera G. Sibirtseva

National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia

The sociocultural phenomenon named “literary reputation” in Russian literary criticism is made up of the total artistic value of an author’s works and their popularity among their contemporaries, as well as their significance for posterity. Russian literature in the late 1790s and the early 1800s was greatly influenced by French literature and, to a lesser extent, English and German literature. While French writers’ names are widely known, and their works have been studied extensively, but, for most Russian readers, many German authors, such as Gottsched, Klopstock, or Lessing remain only as entries in encyclopedias and anthologies on literature. This article describes the first stage in the formation of the literary reputation of the German poet Friedrich Gottlieb Klopstock, who has been known in Russia for more than two and a half centuries. Klopstock’s name first appeared in the Russian press at the end of the 18th century when Russian readers got acquainted with his epic poem “*Der Messias*” (“*The Messiah*”). The withdrawal of the first translations of Klopstock’s religious epic from sale and the imperfections of Russian poetic translation art at the time made any wide reading and discussion of the German poet’s works in Russia next to impossible. Despite the high appreciation of Klopstock’s work in N. M. Karamzin’s magazines and the compulsory inclusion of Klopstock’s works in syllabi of educational institutions, he was practically forgotten by the end of the 19th century. Klopstock’s name started appearing in fiction in comic contexts, as a sign of ostentatious learning or an excuse to interrupt a long-drawn, uninteresting conversation. The mention of the poet in memoirs was often accompanied by remarks about the awful boredom caused by reading his works. At the same time, the availability of Klopstock’s texts in Russian was limited to a really difficult epic and a few odes, the translations of which were far from perfect. The reception of Klopstock in Russia was driven by the dissonance between the schoolboy-level knowledge of Klopstock as an outstanding author and almost complete ignorance of his work.

Key words: Klopstock; Karamzin; literary reputation; “*Der Messias*”; “*Vestnik Evropy*”.

Citation: Sibirtseva, Vera G. (2023) Formation of F. G. Klopstock’s Literary Reputation in Russia at the Turn of the 18th –19th Centuries. *LUNN Bulletin*, 2 (62), 191–205.

DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-191-205.

1. Введение

Изучение факторов, определяющих успех автора у читателей, заключается не только в том, чтобы оглянуться на его литературное творчество. Внелитературные контексты, влияющие на популярность у современников и значимость писателя или поэта для потомков, определяют художественную ценность произведений и в совокупности составляют социокультурный феномен, известный в отечественном литературоведении как литературная

репутация. Понятие литературной репутации было введено в научный оборот историком литературы И. Н. Розановым в середине 20-х годов XX века. Теоретики литературы, входящие в ОПОЯЗ, уже изучали некоторые аспекты литературной репутации, в частности, Б. М. Эйхенбаум писал о влиянии социального контекста на произведения (Эйхенбаум 1987), а Ю. Н. Тынянов указывал на обязательную включенность автора и его работ в современную ему литературную действительность (Тынянов 1993). Однако наиболее полно и всесторонне этот феномен рассматривался в труде И. Н. Розанова «Литературные репутации» (Розанов 1990). Вопросы формирования и функционирования литературной репутации вновь привлекли к себе внимание исследователей в конце XX века.

Формирование литературной репутации писателей конца XVIII – начала XIX века не столь очевидно, если это имя не вошло в учебники. Современный библиограф и историк литературы А. И. Рейтблат, продолжатель теоретической разработки понятия «литературная репутация», в статье о Пушкине отмечает, что большое значение имеет не только литературоведческое осмысление произведений писателя, но и «обращение (или не-обращение) читателей к его творчеству, выбор среди его произведений тех или иных для переписывания, заучивания, чтения вслух, включения в антологии и т. д., то или иное их понимание» (Рейтблат 2001: 51). К источникам формирования литературной репутации Рейтблат относит «печатные, письменные и устные тексты автора» (в нашем случае речь может идти об аутентичных и переводных письменных текстах) и «печатные, письменные и устные высказывания других лиц об авторе» (Там же: 52). Среди предпосылок формирования литературной репутации исследователь называет содержание текстов автора, а также социальную, политическую и литературную позиции автора, замечая, что «при жизни автора нередко большее значение имеет второй момент, а после его смерти — первый» (Там же). Все вышесказанное в полной мере применимо к исследованию литературной репутации Ф. Г. Клопштока, немецкого поэта XVIII века. Патетически-религиозное (эпопея «Мессиада») и сентиментальное (оды) содержание произведений Клопштока повлияло на то, где публиковались его переводы и какую оценку получил немецкий поэт в русском литературном пространстве XIX века. С точки зрения читательского интереса примечательным оказывается факт «не-обращения» русского массового читателя к текстам Клопштока.

2. Характеристика материала и методов исследования

В статье описаны основные факторы, сформировавшие литературную репутацию немецкого поэта середины XVIII века Фридриха Готлиба Клоп-

штока за пределами его отечества — в России. Имя Клопштока стало популярным в России в конце XVIII века, когда русские читатели познакомились с его религиозным эпосом «Мессия» (части первая и вторая в переводе А. М. Кутузова) благодаря публикациям об авторе в периодическом издании Н. М. Карамзина «Московский журнал» и упоминаниям Клопштока в карамзинских же «Письмах русского путешественника» (Карамзин 1982). Устоявшаяся традиция определяет Клопштока как важнейшего немецкого поэта (Пуришев 1931; Гейман 1963 и др.), однако до появления лингвистических, литературоведческих и философских исследований XX века включение немецкого поэта в ряды великих авторов не подкреплялось специальными аналитическими статьями, посвященными его творчеству. Основные биографические сведения и обзор произведений Клопштока были представлены в двух публикациях: в журнальной статье Н. М. Карамзина от 1792 г. (с практически полным повторением в 1798 и 1818 гг. в «Пантеоне иностранной словесности») и очерке из хрестоматии Н. И. Гербеля «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (Гербель 2012). Рассмотрим, почему Клопшток был причислен к выдающимся поэтам и насколько обоснованно мог судить о творчестве немецкого автора просвещенный русский читатель.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Восприятие творчества Клопштока в России во многом определялось отношением читающей публики к его религиозной эпопее «Мессия» (*Der Messias*, в поздних переводах «Мессиада» — этот вариант названия закрепился в литературе). Эпопея была переведена на русский язык не менее шести раз фрагментарно и полностью. Чтобы понять значение «Мессиады» Клопштока для русского читателя, необходимо принять во внимание функционирование этого произведения в историческом контексте на исконно немецкой почве.

3.1. «Мессиада»

«Мессиада» — эпическая поэма в стихотворной форме, основанная на библейских сюжетах Ветхого и Нового Заветов, известных практически всем в XVIII веке: падение ангела и искупительная жертва Иисуса. Клопшток задумал «Мессиаду» в очень юном возрасте, в мужской гимназии Шульпфорте. Он с большим интересом изучал латынь и древнегреческий язык и стал горячим поклонником античных авторов: Гомера, Вергилия и, прежде всего, Горация. В этой гимназии главными достоинствами считались языки и владение словом. Воспоминания одного из более поздних выпускников Шульпфорты приводит исследователь творчества Клопштока Катрин Коль: «Видеть нас не учили. Нас не учили читать великую книгу

природы. Географии не уделялось практически никакого внимания. Путевые записки не читались, как мне кажется, никогда. Чуждым оставалось искусство, за исключением искусства слова» (здесь и далее, если не указано иное, перевод мой. — В. С.) (Kohl 1990: 52).

Клопшток считал сочинительство делом всей жизни и основным источником материального благополучия, а слово — средством, которое могло бы способствовать всеобщему благу человечества.

«Мессиада» должна была стать произведением религиозного содержания, написанным новым немецким литературным языком, подхватившим ритм древнего эпоса. Клопшток хотел возложить это произведение на алтарь Отечества и таким образом привести немецкую поэзию к небывалому расцвету. Размах сюжета и накал страстей в «Мессиаде» вполне соответствовал «Потерянному раю» Дж. Мильтона, которым был вдохновлен Клопшток. Подражание Гомеру и Вергилию было отражено в выборе стихотворного размера повествования: Клопшток создал немецкий гекзаметр как наиболее соответствующий его грандиозному замыслу.

Первые три песни «Мессиады» принесли Клопштоку безоговорочный успех у немецкого читателя, а вся работа длилась более четверти века (поэт завершил эпопею только в 1773 г.). Общеизвестность библейской истории «Мессиады» и монументальность замысла способствовали росту популярности Клопштока, которого современники сравнивали с Мильтоном, Гомером и Вергилием. Творчество Клопштока было хорошо известно, его вклад в литературу высоко ценился, но само произведение мало читалось. Начальные строки «Мессиады» мог легко процитировать любой образованный читатель, но далее из текста не вспоминалось ничего. Эпопея получилась слишком длинной и утомительной, развитие сюжета шло медленно, все события происходили очень долго и сопровождалось бесконечными переживаниями персонажей, которые выражались в длинных, патетичных монологах.

Несоответствие «Мессиады» ожиданиям читателя во многом было связано с тем, что ее нужно было декламировать, читать вслух на публике, а не пробегать глазами. Эпопея Клопштока была новаторской не только в идейном отношении и в плане создания нового поэтического языка (а отношение к неологизмам в немецкой культуре далеко не всегда было позитивное [Голубева 2015]), но и в том, что произведение было адресовано в первую очередь слушателям.

Известно, что сам Клопшток поощрял публичное чтение своих произведений (Birgfeld 2008). Он творил в то короткое время, когда сказанное слово воспринималось выше музыки или зафиксированного на бумаге слова. Умелая декламация позволяла передать авторские акценты и учесть все смысловые и мелодические нюансы произведения. Именно декламация

позволяла Клопштоку достичь желаемой полноты восприятия. Вокруг Клопштока собрался круг друзей и почитателей, декламировавших «Мессиаду» и свои поэтические произведения. Музицирование, иногда сопровождавшее декламацию, не соперничало со словом, а оттеняло его. Саму эпопею надлежало, по замыслу автора, воспринимать на слух, как инструментальное произведение: симфонию или сюиту.

Вероятно, объективная трудность поэзии Клопштока как раз и заключалась в особой темпоритмической структуре стиха, неуловимо ускользавшей, если читать его произведения «про себя». Печатные книги, бывшие со времен реформации явлением привычным, но достаточно редким (Багровников 2015; Лобков 2016), уступали в публичной декламации в массовости воздействия на читателя или слушателя. Но буквально за 20–30 лет возможности книгопечатания настолько расширились, что слово на бумаге и «немое» чтение глазами заменили декламацию, которая была доступна далеко не всем. С уходом авторской интонации теряется и семантический нерв «Мессиады», ее патетика кажется чрезмерной и непонятной, люди помнят о существовании поэмы как о литературном факте, но довольно быстро перестают читать.

Иная судьба ждала эпопею Клопштока в России, где традиция публично декламировать художественные произведения (в особенности на отвлеченные темы) еще не сложилась. «Мессада» попала в Россию в 1770–1780-х гг., благодаря своей славе, метафоричности языка и универсальности религиозного сюжета, и привлекла внимание Г. Р. Державина, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина именно как книга, как текст.

«Мессиада» была первым произведением Клопштока, переведенным на русский язык и пробудившим интерес к немецкому поэту в России. В 1785–1787-х гг. первые две части «Мессиады» были изданы в типографии Московского университета Н. И. Новиковым. Прозаическое переложение эпопеи выполнил соратник Новикова А. М. Кутузов, этот перевод упоминает Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (Карамзин 1982).

Однако внешние обстоятельства оказались губительными для широкого распространения первой книжной публикации «Мессиады»: просветительская издательская деятельность Новикова, как и другие его меры, направленные на благо России, воспринимались Екатериной II как деяния политические, подрывающие устои ее власти. Сначала некоторые книги, изданные в университетской типографии, были запрещены к продаже. А в 1787 г. в числе других книг религиозного содержания из книжных лавок был изъят весь оставшийся тираж «Мессиады» в количестве 1237 экземпляров. Произошло это во исполнение указа Священного синода, предписывавшего

подвергнуть цензуре все книги, относящиеся к религии, и впредь издавать их исключительно в типографии Священного синода. Сведения о конфискации «Мессиады» сообщают нам о двух фактах, существенных для рецепции Клопштока в России. Во-первых, тираж «Мессиады» был очень большим (по всей вероятности, не менее 1300 экземпляров) и книги могли попасть в крупные города Российской империи, такие как Санкт-Петербург и Казань. Во-вторых, ослабление цензуры, позволившее печатать книги с религиозными отсылками не только в синодальной печати, но и в светских издательствах, более чем на 20 лет удлинило путь «Мессиады» к массовому читателю. Лишь в 1820 г. вновь был опубликован перевод Новикова, дополненный переводом частей 3 и 4 (т. е. все 20 песен эпопеи), выполненным, по одним сведениям, Н. И. Бекетовым, цензором, доктором словесных наук и философии, по другим — самим Н. М. Карамзиным. Можно предположить, что в конечном итоге такое промедление оказалось фатальным для поддержания интереса к творчеству Клопштока в России.

Как мы помним, в немецкоязычной среде были популярны первые песни «Мессиады», а все произведение знал редкий почитатель Клопштока. Кроме того, Клопшток в «Мессиаде» воссоздал гекзаметр в подражание античным авторам. Историки литературы называют его «немецким гекзаметром Клопштока» (Гейман 1963), в русском же переводе «Мессиада» была изложена прозой. К 1820 г., когда вышло полное издание Мессиды, Россия прошла большой исторический, идейный и литературный путь, Отечественная война 1812 г. способствовала развитию скорее патриотической, чем сентиментальной тематики. В 1814 г. появились первые переводы «Илиады» на русский язык, выполненные Н. И. Гнедичем гекзаметром, а героический и национальный эпос стал более актуальным, чем эпос религиозный. Неудивительно, что издание полного перевода «Мессиады» (прозой со сложными синтаксическими конструкциями, в то время как у Клопштока — гекзаметр) на хорошо известный религиозный сюжет не вызвало активного интереса у русского читателя. Немецкие романтики, развивавшие национальные идеи, лишь намеченные в драматической трилогии Клопштока об Арминии, стали в России гораздо популярнее самого Клопштока — «отца немецкого романтизма». Благодаря писателям и поэтам немецкого романтизма палитра сентиментальных описаний была значительно расширена (одним из зачинателей сентиментального жанра был опять же Клопшток). На слуху в первой четверти XIX века были такие имена, как Шиллер, Новалис, Brentano, Гёте.

Как видим, до 20-х гг. XIX века главное произведение Клопштока в России было доступно узкому кругу читателей — тем, кто владел переводом Кутузова, приобретенным еще до изъятия из книжных лавок, и тем, кто читал

по-немецки и знал «Мессиаду» в оригинале. Однако это не означает, что просвещенная российская общественность не знала ничего о самом Клопштоке. Его имя было известно по статьям в карамзинских журналах: в «Московском журнале» и в «Вестнике Европы». Во многом популяризации образа способствовал сам Н. М. Карамзин, для которого Клопшток был сравним с Гомером (Михайлов 2000). В 1807 г. «Вестник Европы» стал издавать В. А. Жуковский, и «немецкая линия» в журнале была усилена. Если Карамзин откликнулся только на смерть Клопштока — некрологом и статьей друга немецкого поэта, политического обозревателя И. В. фон Архенгольца, то Жуковский посвятил немецкому поэту 41-ю часть журнала, датируемую 1808 г., разместив на титульном листе литографированный портрет Клопштока (Кулешов 1977). Однако журнальные заметки были выдержаны в почтительно-поучительном тоне, образ немецкого поэта идеализировался, подчеркивались его значительность и величие.

А что же другие произведения Клопштока, сентименталиста и духовного отца штюрмеров? Как же его оды? По всей видимости, их больше читали в оригинале и слушали в песнях, оды пришли в Россию в другом виде *beaux arts* — в музыке (Liesmann 2008: 85). Так, в повести Карамзина «Евгений и Юлия» героиня на домашнем концерте поет песню Кристофа Глюка на стихи Клопштока *Willkommen o silberner Mond* («Приветствую тебя, серебряный месяц») (Карамзин 1979).

Оды, известные по редким переводам на русский язык и опубликованные в журналах начала XIX века, не передавали оригинальности стихотворного ритма Клопштока и мелодичности его языка. Один из наиболее часто упоминаемых переводов, «Ранние гробницы» (*Die frühen Gräber*) в переложении А. Л. Соколовского (именно эту песню на немецком языке исполняет Юлия), полностью утратил очарование подлинника. Рубленый ритм, обедненная стандартно-поэтическая лексика. Вместо взволнованных, прерывающихся строк — неподвижно-симметричный размеренный амфибрахий:

*Привет тебе, месяц сребристый и ясный,
Товарищ таинственной ночи! Зачем
Ты спрятаться хочешь? останься, друг милый!
А, вот он – лишь облако мимо прошло!* (Гербель 2012: 158)

Ср. в оригинале:

*Willkommen, o silberner Mond,
Schöner, stiller Gefährt der Nacht!
Du entfliehst? Eile nicht, bleib, Gedankenfreund!
Sehet, er bleibt, das Gewölk wallte nur hin* (Klopstock 1798).

Остальные немногие переводы рубежа веков еще дальше отстоят от оригинала. Чувствительность в них становится почти гротескной. Так, ода

«Будущей супруге» (*Künftiger Geliebte* [Клопшток 1810]), опубликованная в «Журнале для сердца и ума» в 1810 г., передана неизвестным русским переводчиком прозой, поделенной на строфы. Произведение Клопштока, в котором чувство держится на вопросах и восклицаниях, интонационно уходящих вверх, превратилось практически в словообильную повесть. Другая ода (вернее, бардита, в определении самого Клопштока) «Герман и Туснельда» (*Hermann und Thusnelda*, перевод А. Л. Соколовского [Клопшток 1809]) также увеличилась в объеме в два раза (Гербель 2012). Вместо сдержанной, страстной речи героя перед читателем предстают цветистые фразы, замедляющие динамичность повествования. Письменно зафиксированных отзывов или критических замечаний на переводы лирики Клопштока на русский язык в литературе начала XIX века обнаружено не было.

Клопшток в России был не лириком-сентименталистом, а прежде всего «творцом “Мессиады”» (Мерзляков 1980), великим именем, которым принято щеголять, чтобы показать свою образованность. Именно на стыке почтения и неизвестности к середине XIX века зародилось смешанное отношение к Клопштоку и его творчеству, иногда балансирующее на грани комического. Отголоски такого отношения отразились, например, в повести А. В. Дружинина «Обрученные», где имя Клопштока всплывает во время дружеской беседы персонажей и служит поводом перейти к приятной части встречи — трапезе:

— Упаси нас Бог от женицин такого рода! — развеселившись, заметил Владислав. — Что была Гвиччиали до знакомства с Байроном? ребенок, и ничего более! Клопшток...

— Давайте скорее обедать, коли дошло до Клопштока! — перебил Мережин, чувствуя, что на душе его просветлело. — Ставьте бутылку рейнвейна, Тальгоф, за старые годы шатанья но свету, за старые беседы, в роде сегодняшней! (Дружинин 1857: 146)

3.2. Произведения Клопштока в образовательных учреждениях и критической литературе в XIX веке

Анализ того, как тексты Клопштока распространялись в России и как читатели реагировали на произведения немецкого поэта, имеет центральное значение для изучения литературной репутации Клопштока. В 1785 г. был опубликован неполный перевод «Мессиады», а в 1821 г. в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» была напечатана ода «Две музы» в переводе В. К. Бриммера (Бриммер 1821), завершившая первый этап активного обращения к творчеству Клопштока. Следующий перевод на русский язык появится только в 1860 г. — изложение «Мессиады» александрийским стихом авторства С. И. Писарева, затем переводчики обратятся к Клопштоку уже в XX веке.

Как уже показано на примере «Мессиады» и лирических стихотворений немецкого поэта, сами его произведения русский читатель знал мало. Известен факт, что и в немецкоязычных странах еще при жизни автора сложилась традиция уважительно отзываться о Клопштоке, не вникая в написанные им тексты. Мнимая глубина читательского интереса недвусмысленно описана в эпиграмме немецкого драматурга и литературоведа Г. Э. Лессинга, современника Клопштока, отличавшегося метким словом и острым языком.

*О, сколько Клопштока хвалили!
Читали Клопштока? Едва ли.
Пусть нас бы так не возносили,
Зато прилежнее читали* (пер. Э. Венгеровой) (Венгерова 2015).

В оригинале:

*Wer wird nicht einen Klopstock loben?
Doch wird ihn jeder lesen? Nein!
Wir wollen weniger erhoben
und fleißiger gelesen sein* (Lessing 1771).

В России прилежно читать Клопштока начал Н. М. Карамзин, с середины 90-х гг. XVIII века занимавшийся популяризацией творчества немецкого поэта на русской почве. Карамзин в «Письмах русского путешественника» называл немецкого автора поэтом «несравненным», «бессмертным», «самым выспренным» (наивысшим — в стилистике конца XVIII века). Авторитетное слово Карамзина, открывшего для широкого читателя Клопштока, на долгие годы стало единственно верным, немецкий поэт был причислен к поэтам «знаменитым», «славным именам», «истинным пиитам» (Карамзин 1982). Произведения немецкого поэта («Мессиада» и псалмы в первую очередь) вошли в число канонических, или образцовых, текстов, обязательных для любого гимназиста или студента, обучающегося литературе. Министерство народного просвещения Российской империи прямо указывало его в числе писателей, которые «представляют историю национальной / мировой литературы как избранные имена “классиков”» (Вдовин, Лейбов 2013).

С конца XVIII века имя Клопштока закрепилось в учебных планах религиозных и светских учебных заведений, в немецкоязычных антологиях и учебниках немецкого языка и литературы. Клопштока читали, но на немецком языке, в оригинале. Как пишет филолог и историк языка Е. И. Кислова в исследовании о культурных контактах российских учебных заведений, «в качестве материалов для чтения на занятиях использовались и поэтические тексты, причем выбирались авторы, пользовавшиеся популярностью как

в Европе, так и среди российского дворянства. <...> Студенты делали переводы из Г. Е. Лессинга (1729–1781) и Ф. Г. Клопштока (1724–1803)» (Кислова 2015: 173).

В гимназиях и высших училищах немецкая литература до 1917 г. не была отдельным предметом и входила в курс немецкого языка. Среди распространенных учебников стоит назвать «Практический курс немецкого языка» библиографа и педагога В. А. Эртеля (учебник издан в 1831 г.), «Учебник немецкого языка для русского юношества» методиста и общественного деятеля И. И. Паульсона (1857 г.). О невысоком качестве учебников можно судить, например, по отзыву инспектора народных училищ и педагога Е. О. Гугеля, который признает, что учебник Эртеля «весьма удобен для первоначального преподавания какого-либо иностранного языка», но для более серьезного изучения «требует слишком времени и притом слишком мало действует на развитие умственных сил» (Гугель 1833: 234). О качестве преподавания иностранных языков Е. О. Гугель отзывался следующим образом: «Если взять в соображение, каким образом у нас преподают многие языки, то нельзя не поблагодарить господина Эртеля, что он старался заменить сии худые способы преподавания другим — лучшим» (цит. по [Боленко 1988: 25]). В учебниках, как правило, были представлены азбука, примеры для чтения, грамматика, словарь, а также отдельные предложения, афоризмы и отрывки из текстов на перевод. В более расширенном виде художественные произведения давались в приложениях (или хрестоматиях) без перевода, иногда приводились пояснительные библиографические сведения на русском языке.

Отрывки из «Мессиады», которые предлагались для чтения обучающимся, ничего, кроме скуки, вызвать не могли: слог Клопштока был труден и для его соотечественников, а разъяснить песни его «Мессиады» русскому читателю желающих не находилось. Только в 1814 г., после выхода перевода отрывка из «Мессиады», который выполнил В. А. Жуковский, на появление эпоса в России стали обращать более пристальное внимание. Это отразилось, в частности, в романе Н. А. Полевого «Аббадонна», в котором происходит перенесение образов эпоса «на жизненные ситуации героев» (Ильченко 2016:102).

Очень ярко смесь почтения и незнания Клопштока проявилась в воспоминаниях историка литературы и мемуариста П. В. Анненкова, посетившего во время путешествия по Европе могилу Клопштока в Альтоне, пригороде Гамбурга: «Мы с благоговением поклонились великому поэту, которого я не знаю ни одной строчки и которого, по какому-то странному предубеждению, считаю самым скучным [поэтом] писателем. Нет никакого

сомнения, что я ошибаюсь, но мне все кажется, будто поэзия его не касается людей, а принадлежит собственно ангелам» (Анненков 1983).

Как видно, недоговоренность в отношении творчества Клопштока постепенно снижает его значимость в глазах российских читателей. Имя немецкого поэта называют в числе великих, но о самом Клопштоке и его трудах уже мало кто вспоминает. Канонизация Клопштока в литературе приводит к почтительному забвению немецкого автора. К началу XX века слава Клопштока меркнет окончательно, но имя даже в России остается на слуху.

4. Заключение

Литературная репутация Клопштока в России на рубеже XVIII–XIX веков представляет собой интересный феномен, сложившийся из незнания массовым читателем его произведений. Безоговорочно признанный значительным автором, «патриархом немецкой национальной литературы», немецкий поэт не оказал заметного влияния на развитие русской литературы, отступив в тень славы своих последователей — поэтов эпохи романтизма. Клопштока в России постигло, по выражению Розанова, «величайшее зло — канонизация» (Розанов 1990: 88), он был заключен в рамки учебников и хрестоматий как безусловно великий поэт. Авторитетное мнение, декларировавшееся в учебниках, заметно контрастировало с высказываниями о Клопштоке в мемуарах и художественной литературе, авторы со смущением признавали, что его произведения непонятны и скучны. Творчество Клопштока при этом не исследовалось специально, и включение Клопштока в число авторов бессмертных эпосов (Гомер, Вергилий, Мильтон, Клопшток) не подкреплялось аналитическими изысканиями.

Список литературы / References

- Анненков П. В. Путевые записки (1842–1843) [Электронный ресурс] // Парижские письма. М.: Наука, 1983. URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0060.shtml (дата обращения: 15.04.2023) [Annenkov, Pavel V. (1983) (2023, April 15) Putevye zapiski (Travel Notes) (1842–1843). In *Parizhskie pis'ma* (Paris Letters). Moscow: Nauka. Retrieved from: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0060.shtml. (In Russian)].
- Багровников Н. А. Ганс Луффт и его время. Н. Новгород: НГЛУ, 2015. [Bagrovnikov, Nikolay A. (2015) *Hans Lufft i ego vremya* (Hans Lufft and His Time). Nizhny Novgorod: NGLU. (In Russian)].
- Боленко К. Г. Филантропизм и филантрописты в России // Немцы и развитие образования в России. СПб.: Библиотека Российской академии наук, 1988. С. 22–28 [Bolenko, Konstantin G. (1988) *Filantropizm i filantropisty v Rossii* (Philanthropism and Philanthropists in Russia). In *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii* (Germans

- and the Development of Education in Russia). Saint Petersburg: Biblioteka Rossiyskoy akademii nauk, 22–28. (In Russian)].
- Бриммер В. К. Две музы [Электронный ресурс] // Соревнователь просвещения и благотворений. 1821. Ч. 14. URL: <https://bibra.ru/composition/dve-muzy-iz-klopshtoka-razmerom-podlinnika/> (дата обращения: 15.04.2023). [Brimmer, Vladimir K. (1821) (2023, April 15) Dve muzy (Two Muses). *Sorevnovatel' prosveshcheniya i blagotvorenii* (Competitor of Education and Charity), Part 14. Retrieved from: <https://bibra.ru/composition/dve-muzy-iz-klopshtoka-razmerom-podlinnika/>. (In Russian)].
- Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX / отв. ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту: Тартуский университет, 2013. С. 7–34. [Vdovin, Alexey, & Leibov, Roman. (2013) Khrestomatiya teksty: russkaya poeziya i shkol'naya praktika XIX stoletiya (Reading Texts: Russian Poetry and School Practice of XIX Century). In Vdovin, Alexey, & Leibov, Roman. (eds.) *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie IX* (Acta Slavica Estonica IV. Works on Russian and Slavic Philology. Literary Criticism IX). Tartu: University of Tartu, 7–34. (In Russian)].
- Венгерова Э. В. Мемуарески [Электронный ресурс] // Экран и сцена. 2015. № 9. URL: <https://screenstage.ru/?p=2822> (дата обращения: 15.04.2023). [Vengerova, Ella V. (2015) (2023, April 15) Memuarieski (Memuarieschi). *Ehkran i stsena* (Screen and Stage). Retrieved from <https://screenstage.ru/?p=2822>. (In Russian)].
- Гейман Б. Г. Клопшток // История немецкой литературы. Т. 2. М.: Радуга. 1963. [Geiman, Boris G. (1963) Klopshtok (Klopstock). *Istoriya nemetskoj literatury* (History of German Literature). Vol. 2. Moscow: Raduga. (In Russian)].
- Гербель Н. В. Немецкие поэты в биографиях и образцах: антология лучшей немецкой поэзии. М.: ЁЁ Медиа, 2012. [Gerbel', Nicolay V. (2012) *Nemetskie poehty v biografyakh i obraztsakh: antologiya luchshei nemetskoj poehzii* (German Poets in Biographies and Images: Anthology of the Best German Poetry). Moscow: YoYo Media. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Новые слова от Людовика XIV до Ангелы Меркель // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. Вып. 33. С. 187–198. [Golubeva, Nadezhda A. (2015) Novye slova ot Lyudovika XIV do Angely Merkel' (New Words from Louis XIV to Angela Merkel) *LUNN Bulletin*, 33, 187–198. (In Russian)].
- Гугель Е. О. Методы Жакото. Отечественный язык // Педагогический вестник. 1833. № 8. С. 323–328 [Gugel', Egor O. (1833) Metody Zhakoto. Otechestvennyi yazyk (Methods Jacotot. Native language). *Pedagogical Bulletin*, 8, 323–328. (In Russian)].
- Дружинин А. В. Обрученные // Библиотека для чтения. СПб.: А. Смирдин, 1857. С. 145–149. [Druzhinin, Alexandr V. (1857) Obruchennye (Betrothed). *Biblioteka dlya chteniya* (Reading Library). Saint Petersburg: A. Smirdin, 145–149. (In Russian)].
- Ильченко Н. М., Чернышева Е. Г. Немецкий герой в романе Н. А. Полевого «Аббадонна» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 33. С. 93–107. [Ilchenko, Natalia M., & Chernysheva, Elena G. (2016) Nemetskii geroi v romane N. A. Polevogo «Abbaddonna» (The German Hero in the Novel by N. A. Polevoy “Abbaddonna”). *LUNN Bulletin*, 33, 93–107. (In Russian)].

- Карамзин Н. М. Евгений и Юлия [Электронный ресурс] // Русская сентиментальная повесть. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0980.shtml (дата обращения: 15.04.2023). [Karamzin, Nikolay M. (1979) (2023, April 15) Evgeniy i Yuliya (Eugene and Yulia). *Russkaya sentsimental'naya povest'* (Russian Sentimental Tale). Moscow: Moscow University Press. Retrieved from http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0980.shtml. (In Russian)].
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.: Советская Россия, 1982. [Karamzin, Nikolay M. (1982) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* (Letters of a Russian Traveler) Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russian)].
- Кислова Е. И. Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: Филология. 2015. 1 (41). С. 53–70. [Kislova, Elena I. (2015) *Nemetskii yazyk v russkikh seminariyakh XVIII veka: iz istorii kul'turnykh kontaktov* (German Language in Russian Seminaries of the 18th Century: from the History of Cultural Contacts). *St. Tikhon's University Review. Series: Philology*, 1 (41), 53–70. (In Russian)].
- Клопшток Ф. Г. Герман и Туснельда // Цветник. 1809. Ч. 2. № 5. С. 149–153. [Klopstock, Friedrich G. (1809) German i Tusnel'da (Hermann and Tusnelda). *Tsvetnik*, 2, 5 February, 149–153. (In Russian)].
- Клопшток Ф. Г. Будущей супруге // Журнал для сердца и ума, издаваемый И. Шелеховым. 1810. Ч. 1. № 2. Февраль. С. 143–149. [Klopstock, Friedrich G. (1810) *Budushchey supruge* (To the Future Wife). *Zhurnal dlya serdtsa i uma, izdavaemyu I. Shelekhovym*, Part 1, 2 February, 13–149. (In Russian)].
- Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке: первая половина. М.: Изд. Московского университета, 1977. [Kuleshov, Vasiliy I. (1977) *Literaturnye svyazi Rossii i Zapadnoi Evropy v XIX veke: pervaya polovina* (Literary Ties between Russia and Western Europe in the 20th Century: the First Half). Moscow: Izd. Moskovskogo universiteta. (In Russian)].
- Лобков А. Е. Печатная книга как инструмент Реформации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 34. С. 147–156. [Lobkov, Alexander E. (2016) *Pechatnaya kniga kak instrument Reformatsii* (The Printed Book as an Instrument of the Reformation). *LUNN Bulletin*, 34, 147–156. (In Russian)].
- Мерзляков А. Ф. Статьи [Электронный ресурс] // Литературная критика 1800–1820-х годов. М.: Художественная литература, 1980. URL: http://az.lib.ru/m/merzljakow_a_f/text_0080.shtml (дата обращения: 15.04.2023). [Merzlyakov, Alexey F. (1980) (2023, April 15) *Stat'I* (Articles). *Literaturnaya kritika 1800–1820-kh godov* (Literary Criticism of the 1800–1820s). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Retrived from: http://az.lib.ru/m/merzljakow_a_f/text_0080.shtml (In Russian)].
- Михайлов А. В. Обратный перевод: Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. [Mikhailov, Alexandr V. (2000) *Obratnuu perevod: Russkaya i zapadnoevropeyskaya kul'tura: problemy vzaimosvyazey* (Reverse Translation: Russian and West-European Culture: Problems of Interconnections). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian)].
- Пуришев Б. И. Клопшток // Литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1931. Стб. 784. [Purishev, Boris I. (1931) Klopshток (Klopstock).

- In *Literaturnaya entsiklopediya* (Literary Encyclopedia). Vol. 5. Moscow: Communist Academy Publishers, col. 784. (In Russian)].
- Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001 [Reitblat, Abram I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi ehpokhi* (How Pushkin Became a Genius: Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)].
- Розанов И. Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. [Rozanov, Ivan N. (1990) *Literaturnye reputatsii* (Literary Reputations). Moscow: Sovetsky pisatel'. (In Russian)].
- Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. [Туньянов, Yuri N. (1993) *Literaturnyi fakt* (Literary Fact). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Эйхенбаум Б. М. Литературный быт // О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. С. 428–436. [Eikhenbaum, Boris M. (1987) *Literaturnyi byt* (Literary Life). In *O literature* (On Literature). Moscow: Sovet. pisatel', 428–436. (In Russian)].
- Birgfeld, Johannes. (2008) Klopstock, the Art of Declamation and the Reading Revolution: An Inquiry into One Author's Remarkable Impact on the Changes and Counter-Changes in Reading Habits between 1750 and 1800. *Journal for Eighteenth-Century Studies*, Vol. 31, Iss. 1, 101–117.
- Klopstock, Friedrich G. (1798) (2023, April 15) *Oden*. Bd. 2. Leipzig: Göschen. Retrieved from <http://www.zeno.org/Literatur/M/Klopstock,+Friedrich+Gottlieb/Gedichte/Oden.+Zweiter+Band> (In German).
- Kohl, Kathrin. (1990) *Friedrich Gottlieb Klopstock*. Stuttgart: J. B. Metzler. (In German).
- Lessing, Gotthold E. (1771) (2023, April 15) *Sinngedichte*. Retrieved from: [http://www.zeno.org/Literatur/M/Lessing,+Gotthold+Ephraim/Gedichte/Sinngedichte+\(Ausgabe+1771\)/1.+Die+Sinngedichte+an+den+Leser](http://www.zeno.org/Literatur/M/Lessing,+Gotthold+Ephraim/Gedichte/Sinngedichte+(Ausgabe+1771)/1.+Die+Sinngedichte+an+den+Leser) (In German).
- Liessmann, Konrad P. (2008) Der Verlust des Schönen in der Kunst. *LUNN Bulletin*, 3, 84–89. (In German).